

зов изменяет текст и делает вставки очень обдуманно и осторожно, вплоть до самых мелочей. Так, в его пересказе говорится о Воеводской горе. Действительно, собор Рождества Богородицы расположен на самой высокой горе в Муроме, которая носит это название.

Подведем некоторые итоги. О Петре и Февронии А. М. Ремизов написал рассказ, который не является идентичным его древнерусскому варианту. В результате внесенных изменений А. М. Ремизов несколько отклонился от передачи основной мысли автора древнерусской повести. Заключительные поэтические слова пересказа А. М. Ремизова о «неразлучной любви» («И всякий раз на Москве, в день их смерти, Петра и Февронии, на литии лебедь-колокол разносил весть из Кремля по русской земле о неразлучной любви, человеческой волей нерасторжимой») не звучат как заключительный аккорд повествования, объединенного единой мыслью. Гармонию нарушают некоторые отступления. Она нарушена введением некоторых подробностей в первую часть, в связи с внесенной переменной характера Февронии изменилось и звучание рассказа в конце повести. В передаче некоторых эпизодов Феврония несколько огрублена. Она показывает недовольство отказом князя Петра жениться на ней, в княжестве и в доме забрала власть в свои руки. Уезжая из Мурома, она посылает проклятья боярам, открыто командует князем. В результате остается чувство, что Феврония не столько стремится сохранить любовь князя Петра, сколько воюет за власть.

Я проследила изменения сюжета этой повести у А. М. Ремизова по сравнению с ее древнерусским оригиналом. Пересказ А. М. Ремизова древнерусской повести не является просто переводом на современный язык. Используя сюжет древнерусской повести, он создал свое произведение с отклонениями от оригинала и в содержании и в стиле. А. М. Ремизов не почувствовал художественного колорита повествовательной литературы XV в. В его произведении большое место заняла внешняя декоративность. Привнесение в произведение стилизации с использованием фольклорных приемов повествования закрыло для читателя доступ к художественной манере автора XV в.

А. М. Ремизов ухватился за имевшиеся в древнерусской повести фольклорные мотивы и развил их. Такое отношение к фольклору для передачи произведения XVII в. было бы созвучно с художественными приемами того времени. Для более раннего времени связь литературных произведений с фольклором носит иной характер. Об этом в статье Д. С. Лихачева «К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе» сказано следующее: «Между фольклорностью отдельных пассажей в старшей летописи, отдельных пассажей в Повести о разорении Рязани, фольклорностью основы Повести о Петре и Февронии, с одной стороны, и фольклорностью Повести о Горе-Злочастии, отдельных произведений демократической сатиры XVII в. или песен Квашнина-Самарина — с другой, есть принципиальное различие. Последние произведения стремятся последовательно (в меру своих возможностей) выдержать фольклорный стиль, отчетливо ощущают жанр фольклорных произведений. Летопись же, Повесть о разорении Рязани и другие произведения старой поры сознательно используют лишь факты из фольклорных произведений, стиль же фольклорных произведений проникает в книжность вместе с фактами либо стихийно, либо постольку, поскольку он не вступал в резкое противоречие с книжными жанрами».³¹

³¹ Д. С. Лихачев. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе. Русская литература, Л., 1958, № 2, стр. 11.